

тов, то его энергичное наставление в «Главах» на православных положениях о «двух рождениях» Христа и сохранении природ после единения, подчеркивание им типично халкидонитских оборотов речи, а также непреклонное отстаивание авторитета Халкидонского собора позволяют сделать вывод, что попытки компромисса с монофиситством у Ефрема не влекли за собой принципиальных уступок, а носили чисто тактический, временный характер.

Доклад Т. Ю. Бородай был посвящен трансформации некоторых терминов аристотелевской логики у Иоанна Дамаскина. Ею были рассмотрены две группы терминов: «сущность», «природа» и «форма», с одной стороны, и «ипостась», «атом», «лицо» — с другой. Эти две группы терминов приобрели первостепенную важность в связи с двумя проблемами, которых не знала античная философия и логика и которые выявились в ходе теологических споров. Первая проблема — чем отличается существование вещи от ее сущности, или бытие от природы; вторая — определение статуса личности: а) есть ли личность только самостоятельное существование (в этом случае она называется «ипостась»), б) обусловлена ли она неделимостью (тогда она называется «атом» — индивидуум), в) или личность есть набор определенных свойств, позволяющих отличить ее от других, как маску в театре (это будет «лицо»). Докладчица пыталась выяснить, как именно работает Дамаскин с логическим инструментарием Аристотеля при разрешении этих двух проблем.

А. А. Чекалова выступила с докладом «Эволюция зрелищ в ранней Византии». Она констатировала изменение характера зрелищ в византийских городах IV—VI вв. в связи с падением у городского населения интереса к общественной жизни. Воспитательная функция театра, отметила докладчица, теперь уступает место развлекательной: в театральных постановках откровенная зрелищность оттесняет на задний план содержание. Прежнее многообразие театральных жанров свелось к весьма фривольному балету-пантомиму и к довольно грубой комедии — миму. В отличие от театра, который приходит в упадок (в новых городах театры вообще не возводятся), ипподром переживает подлинный расцвет; он вытесняет все иные виды зрелищ, становится театром по преимуществу и занимает важное место в архитектурном ансамбле города.

В. В. Бычков в докладе «Концепция образа в византийской эстетике VIII—IX вв.» проследил развитие теории образа в иконоборческий период, остановившись на концепциях Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Никифора Константинопольского и материалах Седьмого Вселенского собора. Развернутая теория образа Иоанна Дамаскина складывается, как показал докладчик, из трех разделов: общей теории образа в ее онтологическом и гносеологическом аспектах, теории изображения и теории иконы. Седьмой Вселенский собор высоко оценил изображения, приравняв их по значимости к библейским текстам; на одно из первых мест он выдвинул нравственную значимость искусства; собор декларировал, что в изображении должна быть передана духовная сущность архетипа; на первое место были выдвинуты две функции миметических (подражательных) изображений — психологическая и догматическая. Феодор Студит, развивая идеи своих предшественников, во многом опирался на концепции неоплатоников и Псевдо-Дионисия Ареопагита. По Феодору, в изображении фиксируется визуализированная идея архетипа, или сущность вещи, данная в ее внешнем виде; она, по сути дела, — фотография неизменного «видимого образа» архетипа, его онтологического облика. При этом в изображении «видимый образ» выявляется для зрителя лучше, чем в самом архетипе. У Феодора, по мнению В. В. Быčkoва, дано теоретическое осмысление того, что в византийском искусстве искусствоведы обозначают понятием «иконографический тип». Феодор дает наиболее полное определение «миметического изображения». Никифор Константинопольский разграничивает понятия описуемости и образимости, вводит в эстетику новую категорию «отношение изображения» для выявления